

Первое правило Бога - никому не говори, что ты Бог

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Игорь Станович (Ильин)

Ссылка на публикацию

Первое правило Бога – никому не говори, что ты Бог

1

Бывший капитан ГАИ из Бутово, а ныне кочевой гоан из Арамболя Андрей Ивушкин приехал в Кандолим с женой на такси. Ольга сидеть на байке уже не могла. Да и такси пришлось взять - микроавтобусик «Марути», который был шире мягкого и комфортабельного Судзуки «Воган». Ольге надо было как-то разместить горящую огнём от боли ногу, каждое касание к которой вызывало потемнение в глазах. По схеме, довольно доходчиво изображённой ему авторитетным гоаном Тимуром Мамаевым, к моменту её рисования употребившим уже шестой в этот день чалом, он сразу нашёл дом. Дом, прилегающий к нему ресторан под названием «Ку Ку Гарден», а также прочие владения загадочного китайца приютились в тихом, вальяжном по гоанским понятиям районе, облюбованном иностранцами с достатком. Преобладающее народонаселение этих мест - приезжающая на сезон обуржуазившаяся некогда хипповская тусовка, теперь разбогатевшая, раздобревшая, обрюзгшая от повысившегося качества жизни и оставшихся с молодости привычек. В своё время вкусившая вольницы и химической составляющей психоделического движения молодёжь, пионерившая на западном берегу Индостана, частично вернулась в социум. Покончала Кембриджи с Оксфордами, позаводила бизнесы, набомбила различными методами различных эквивалентов человеческого труда. А когда всё уже стало впадлу и обрыдло по самые «ого-го», со всеми этими еврами, бушами, акциями, саркозями и дельпонтами, вспомнила ветер молодости, носившийся в голове и вернулась к истокам. Но ветер ослаб и не может надуть паруса. А тело - у кого отяжелело и плохо держится на воде, у кого плохо выводит продукты жизнедеятельности и поэтому не тонет во время дайвинга, нацепи ты на него хоть двадцатикилограммовый грузовой пояс. Завязывать обувь становится всё тяжелее из-за одышки и живота, непонятно откуда начинающегося и не видать, чем заканчивающегося. И это тоже один из пунктов «за», перевесивший чашу весов в сторону решения поменять климат на тот, который позволяет обходиться без носков и ботинок на шнуровке. Подружка, некогда закрывавшая собой надпись на его спине: «Чувак, если ты это читаешь, значит, моя тёлка вылетела на последнем ухабе», уже не помещается на заднем сидении скутера. А, утрамбовавшись, задирает переднее колесо и увеличивает парусность, закрывая обзор попутным автомобилям.

Бездумная гонка по колдобинам в молодости сделала из её позвоночника подобие коленчатого вала. Поэтому, если Магомет будет сидеть и ждать, когда эти горы придут к нему, к горам прибежит другой Магомет, коих немало в Гоа. А это будет совсем не по-китайски, ибо китаец, не занятый делом денно и нощно – это мёртвый китаец. Даже если он китаец, который знает человеческое тело так, что читать ему его легче, чем аспиранту-филологу букварь.

Доктор Ку Ку, как он сам себя называет, или Мастер Зен, как называют его ученики, или просто Мастер, арендовал в Кандолиме участок, построил дом, посадил сад, который назвал «Ку Ку Гарден», и стал принимать страждущих.

Гоа – место бойкое. Кроме бывшей хиппни, замиксованной на друзьях благородных кровей, также жаждущих глотка воздуха свободы с гашишным дымом, люд сюда заносит разношёрстный. От темпераментных в известной области финнов, к концу отпуска опухающих до состояния борцов сумо, до поджарых немцев с плаката группы «Скутер», пугающих чинную публику рёвом своих фриковских байков с пробитыми глушителями. А где фрики, финны, байки, водка, пиво и слоны, между ног которых финны на фриковских байках пытаются проскочить, попивши пива с водкой, там, конечно же, травмы, переломы, ссадины. А если к тому же слон оказался мальчиком, а финн был без шлема и не успел пригнуться, то контузии, сотрясение остатка мозга, у кого он есть, и переломы позвоночника. Вот на такую благодатную почву и посеял семена своего таланта восточного врача и виртуоза акупунктуры Мастер Зен, некогда признавший себя Ку Ку. Десятки людей по всему миру, просыпаясь по утрам и опуская ноги с постели, вспоминают ещё одно имя доктора, давшего возможность их ногам ощущать прохладу пола - Боль. Именно он дал этим людям возможность находиться вертикально к поверхности земли. Да просто жить и думать о чём-нибудь ещё, кроме того, как облегчить страдания своим близким, ухаживающим за парализованным. Доктор знает о Боли всё. Доктор любит Боль. Доктор лечит Болью. Болью, которая калечит тело и души, он лечит душу и тело. Он смакует Боль, заглядывая в глаза приговорённому, он радуется, если увидит в ваших глазах Боль, и расстраивается, как ребёнок, если Боли нет. Боль - орудие его лечения. Если иглы, которыми он орудует в вашем теле - движитель, то Боль - двигатель борьбы с болезнью. И когда игла, удачно воткнутая в бесчувственную конечность, как в масло, прошивает плоть, наконец-то пробуждая энергию, да так, что выскакивает под напором этой энергии, и консилиум учеников восхищённо взрывается: «Чи!!!», улыбающийся китаец с добрыми и сумасшедшими глазами устало подтверждает больному: «Чи, Чи пошла…». Энергия Чи пробилась через омертвевшие нервы, порванные артерии, сломанные кости в атрофированную конечность. Она будет при вас, ваша, только сейчас осознанная свобода материалистического бытия, и пальцы на

руках смогут самостоятельно чиркать зажигалкой, и пальцы на ногах не будут казаться бесполезным анахронизмом прошлой жизни. Теперь доктор может покурить. Он отыскивает в китайских штанах золотой китайский портсигар, достаёт из него цветную сигарету «Собрание», чиркает сапфировой кнопкой тяжёлого платинового «Ронсона», и взгляд его уносится в бесконечность за тонкой струйкой благородного дыма, может быть на Тайвань, туда, где его дом? Ученики молча стоят рядом. Они ждут. Они никогда не тревожат Мастера в такие минуты. Китаец любит дорогие хорошие вещи, китаец заслужил комфорт. Как это? Как может врач, видящий насквозь человеческое тело, знающий о последствиях курения и даже запрещающий своим клиентам употребление сахара, курить? Врач не может, но он не врач, он Доктор, Доктор Ку Ку или «куку Доктор». И ему можно. Если другим нельзя, то ему можно всё. Ибо он Доктор Боль, а значит - Доктор Жизнь. Ведь Боль начинает Жизнь, и Боль поддерживает её, и Боль ведёт нас по Жизни, напоминая телу, что оно существует. Ну а саморегулирование, присущее Жизни, к тому же китайской национальности, никогда не позволит Доктору лишнего.

Когда Андрей буквально на себе втаскивал жену на второй этаж, где принимал Ку Ку, подоспели ученики. Взяв Ольгу на руки, они принесли её и уложили на кушетку, застеленную по-индийски чистой простынёй. Лежать она могла на спине, только подложив под голень подушку, но и с ней лицо её искажала гримаса, и от неё веяло Большой Болью. Доктор безразлично посмотрел на ещё одного рутинного пациента. Ну, больно, он почувствовал силу её Боли, так это же хорошо, значит, ещё жива, подправим в порядке очереди, обозначенной на талончике, снятом её мужем с ржавого гвоздя у входа. А пока надо немцу астму убрать, пятнадцать лет мучается, бедолага. Ку Ку одноразовым приспособлением, похожим на шариковую ручку, в которую вместо стержня зарядили шило, наковырял у немецкого гренадёра, распластанного на соседней с россиянкой кушетке, около сотни дырок в спине. Ученики приложили к этим местам вакуумные чаши, являющиеся правнуками «банок», которые ставили в детстве нам бабушки и мамы, исполняя при этом магический ритуал огнепоклонников, засовывая горящие спиртовые факела в волшебные стеклянные колбы. Здесь ничего этого не понадобилось. Приложенный к встроенному в макушку чаши ниппелю маленький насос в виде пистолета, без запомнившегося с детства волшебства отсосал из неё весь воздух, втянув в себя часть кожи на спине бундеса. Большая чаша, установленная между лопаток с напиханной в неё туалетной бумагой для впитывания немецкой крови, запотела изнутри, а маленькая, присосанная под ней, стала быстро наполняться кровью неестественно тёмного цвета.

- Вот, - показал Доктор пальцем на большую «банку». – Излисьняя «Янь», аж пар посёл.

Ученики склонились над фрицем, защёлкали фотоаппараты и мобильники, запечатляя таинственное явление, вряд ли различимое на снимке.

- А вот тут, – он с хлопком оторвал маленькую «баночку», из которой шмякнулись на тело окровавленные туалетные бумажки, – она и притаилась, сейчас мы её будем убивать, убивать!!! – Подмигнул он окружающим весёлым, сумасшедшим глазом. Ученики вытерли кровь, принесли другую чашу, побрызгали на стойкое немецкое туловище из цветочной брызгалки с надписью «Алкоголь», отчего в воздухе разлился сладковато-противный запах местного самогона фени, гонимого из гнилых груш ореха кешью и употребляемого лишь местными «синяками» и российскими туристами. Последним его аромат напоминает деревенский «первачок», «зело, ладно шедший» во время рыбалки где-нибудь под Калязином или на Ахтубе. Ку Ку применил дырокол повторно и с ещё большей яростью. Немец, было, подёргался, но маленький китаец железным пальцем ткнул его куда-то под ребро. Тот дёрнулся сильнее и затих. Доктор несколько раз отрывал «банку», ковырял новые дырки, присосанной сферой что-то выжимал из кровоточащих, проделанных им в пациенте отверстий, приговаривая: «Нет, резать нельзя,... резать плоко, ...резать - каналы повредятся, энергетисиские,... мы её и так высосем, ... мы её нежно, поцелуями убьём...». Пот выступил на лице увлечённого китайца. Из присоски то и дело выгребались куски окровавленной бумаги с какой-то белой густой субстанцией, которой набралось уже грамм сто.

- Стоп, - поднял вдруг руку Доктор Боль. – А вот и она сама, её «велисиство». Лейте спирт.

Это уже напоминало фильм «Чужие» в самых любимых подростками эпизодах, когда из человеческого тела нарождаются милые членистые и кольчатые сущности. На вымытой самогоном спине из рваной ранки выглядывал отросток, не напоминающий какую-либо часть человеческого тела. Мастер взял пинцет, ухватился им за торчащий кончик и ещё минуты три аккуратно выуживал из тела вредоносный объект, обливаясь потом. Наконец, он с улыбкой поднял на уровень глаз «червячка», побрызгал на него и показал на чёрный кончик.

- Корень, корень, фак его ..! – удовлетворённо констатирован он. – Если бы порвался, опять вырастет. - Допуская простительные китайцу ошибки в английском языке, улыбнулся он. Из дальнейшего рассказа стала вырисовываться туманная картина. То ли инфекция, то ли опухоль, то ли ещё какая-то инородная хреновина - Доктор не различал понятий, или окружающие

чего-то не догоняли. Он обозначал всё единым английским словом «инфекшен». А может, так он произносил слово «инфламейшен», что означает воспаление. Случилось эта беда у ганса лет пятнадцать назад. И с тех пор «оно» росло и перекрывало суррогатному инкубатору энергетические или ещё какие-то каналы, в результате чего его всё время и мучила астма. Теперь эта «шпыня» отправится на помойку, а Ку Ку устал и хочет покурить. Он бросил кусок «нечто», общёлканного фотоаппаратами, в урну с красными бумажками, улыбка сошла с его губ, пациент стал ему не интересен. Доктор сел на кушетку в ногах притихшей русской и закурил. Несколько минут он пристально её рассматривал. Взгляд медленно прошёлся по телу, остановившись на рваной, по последней гоанской моде, майке, более вольной, нежели те, в которых принято ездить в метро в жаркий июльский день. Заглянул в глаза так, что маленькие иголочки вдруг кольнули девушку в затылок. Потом хлопнул по левому бедру, показывая, чтобы та перевернулась.

- Носька болит? – По-английски, но всё же достаточно по-китайски спросил он, затягиваясь и кладя ладонь на правую ногу женщины.

- Ес. – Выдавила из себя вампирскую улыбку Ольга.

- Красивая. – Вдруг сказал он по-русски. – Осень коросё… Натася?

От возмущения Боль утихла в ноге.

- Оольгаа. – Выдохнула она.

- Русских много красивых, русских много Натась, – невозмутимо продолжал Ку Ку. – Ты не Натася, осень коросё, ты Ольга.

Тем временем он скатывал и стаскивал с неё трикотажные шорты вместе с трусами. Оголив половину попы, он ткнул пальцем в поясницу.

- А почему болит носька? А потому что вот тут весь «с-сит», по-русски – говно. – Последнее слово было произнесено безукоризненно правильно и с выражением.

- Да, да, тут болит, тут биг проблем, много лет уже. Защемило где-то тут… – Простонала девушка. – Последние два месяца терпела…а как совсем невмоготу стало, ой…

- Ой. – Передразнил её Мастер.- Совсем плоко, что долго терпела… масына плоко ездит, к меканику быстро идёс? А когда тело плоко, кодит к Ку Ку, только дурак не идёт…

Он потянул с неё штанишки, до конца сняв с попы. Пальцем тыча между ягодиц, гуру вещал ученикам, наклонившимся с фотоаппаратами.

- В пояснице сдвинулись позвонки. Чи не идёт. Чи не может идти, потому что позвонки, когда смещаются, проходящие внутри них проводочки и трубочки перекрываются. Поэтому носька болит и не сгибается. А тут геморрой, потому как Чи не идёт. Потому что тут, в пояснице, если долго терпеть, может появиться инфламейшен … а когда в пояснице инфламейшен, то Чи утихает?.. Пока Ку Ку не знает, что случилось… и никто не знает, потому что Ку Ку не знает…, а раз Ку Ку не знает, значит, точно никто не знает. Но Ку Ку узнает, потому что Ку Ку надо узнать…, а раз Ку Ку надо узнать, то Ку Ку обязательно узнает…

Это могло продолжаться ещё долго, потому что во время назидательных причитаний он руками исследовал тело девушки, ощупывая попу, просовывая пальцы куда-то в пах, между ног, массируя большим пальцем геморроидальную шишку… Но в это время захрипел немец. Выгибаясь, он закатывал обалделые глаза, пытаясь что-то сказать. Присосанная между его лопаток огромная «банка» втянула в себя столько кожи, что лоб его стал гораздо выше, улыбка шире, глаза напоминали Докторские, а уши - уродливую ночную бабочку, севшую на шею. Он пытался что-то произнести, но бабочка-вампир так вцепилась в его горло, что у него перехватывало дыхание. Ученики обычно старались не нарушать плавное течение размышлений Учителя. Но в данном случае как-то вяло, всё-таки, взяли на себя смелость обратить внимание Великого на попытки тевтонского туловища привлечь внимание. Доктор нетерпеливо отмахнулся, мол, потом, и скинул вьетнамки.

- Сейчас меканик отремонтирует твою ноську, красивая. – Китаец бесцеремонно вскочил на девушку, упёрся коленом в её крестец и закричал мужу. – Поднимай!... Только тико, тико…. - уже шёпотом добавил он, указывая на левую ногу. И придавил таз пациентки к кровати. Ольга вскрикнула, что-то хрустнуло в её теле, бритва Боли полоснула по сознанию, развалив его на две части. Одна половина пространства скрутилась в рулон, оставив вместо себя черноту. Во второй осталось только где-то в самом углу подсознания перевёрнутое китайское лицо с вопрошающими глазами: «Коросё? Осень коросё?».

Потом сознание медленно, кусками, как картинка спутникового телевидения во время грозы, восстановилось. Лицо резво спрыгнуло с кровати и предстало улыбающимся Ку Ку, с руками, ногами и хитрыми сумасшедшими глазами, в поклоне, указывающем на установленную в углу веранды палатку из противомоскитной сетки.

- Стенд ап, красивая, в чиллаут, плиз. – На русско-английском с китайским акцентом пригласил её тайванец.

В шатре на расстеленных в два ряда матрасах лежало несколько человек и оттопыривалось заунывной китайской музыкой. Сама же оттопырка являлась саунд треком к профильной, наилюбимейшей и главной процедуре Жизни Мастера Ку Ку Зена, Доктора Боль. А именно - акупунктуре. Блаженствующие на матрасах люди, некоторые из которых лежали на животе, а какие-то на спине, выглядели по-разному. Кто-то неважно. Кто-то совсем «никаким». Кто-то, как в армии – «выздоравливающим». А кто-то напоминал дикобраза в брачный период, когда он распушает свои иголки. С той только разницей, что дикобразы приплясывают, привлекая самку, а эти только кряхтят, пердят и стонут, не в состоянии напрячь мускулы. Даже мысль о напряжении мышц сейчас повергает их в тихий трепет. Ибо тело вспоминает Боль предыдущих попыток, когда, по неопытности забыв выключить мобильник в кармане, рука автоматически дёрнулась к нему. И единственная мысль бьётся в мозгу, когда же прекратится эта китайская извращённая экзекуция китайскими иголками под китайскую пыточную музыку. Так думают новички. «Выздоравливающие» со стажем, благодаря опыту расслабляются и даже получают садо-мазное удовольствие, предвкушая возвращающееся здоровье. Процедура эта длится у всех по-разному, на усмотрение Доктора. Кто-то после «банок» оттягивается час. Кому-то он не ставит «банки» вообще, а сразу – «к станку», и держит их двадцать минут. Кому-то прописывает порошок, и его милая, классической китайской наружности помощница Сэма мурлыкающим китайским говорком объясняет пациенту, сколько, куда и как часто его надо принимать.

Откидывая противомоскитные полы, чтобы пропустить даму, галантный Доктор мимоходом оглядел веранду. На глаза ему попался синеющий немец.

- Пардон, мадам, устраивайтесь на матрасе, я не заставлю вас долго ждать. – Чисто, без акцента, с почти оксфордским произношением, вдруг проговорил он.

Вернувшись к кушеткам, Мастер потыкал мраморного оттенка тело пальцем и задумчиво спросил у учеников:

- Я не пойму, он что, синий, или меня от жары заглючило? Разве к нам приходил сегодня Кришна на приём? Нет,… мы сами все во власти Божьей,… это он вызывает на приём, он же – Абсолют, как утверждают кришнаиты. А раз синий и не Кришна, значит, этому человеку плохо, он замёрз! А как можно замёрзнуть в такую погоду?.. Только, если в теле нет Энергии. Тело без энергии мертво, оно мёрзнет и синеет. – Он поднял палец вверх и закончил в голливудском стиле. – Мы теряем его!!!

Ку Ку открутил клапан ниппеля, впустив воздух в сферу и вернув органы слуха и скальп «жмурика» к «заводским настройкам». Легонько, но звучно треснул немца под основание черепа, примерно в то место, откуда только что отъехали уши. Тело дёрнулось, захрипело, открыло налившиеся кровью глаза, надрывно и часто задышало, приобретая совместимый с жизнью цвет.

- И заберите, наконец, эту факинг «банку»! Где вы её взяли, кто просил бегать ко мне домой и шарить по полке с наградами? Я сказал самую большую, имея в виду из тех, что находятся в приёмной. Эту подарили мне студенты, таких вообще не применяют, это же сувенирная, размером XXXL… как ты, солдат?… Да помойте же ему, наконец, спину спиртом, здесь леди, а у вас крови, как в японском кино! Вставай потихоньку, тебе теперь туда. – Похлопал он возвращенца по щеке и указал на шатёр.- От Ку Ку ещё никто мёртвым не уходил… Коросё!!! Располагайся рядом с «красивая».

Он повернулся к ассистентам. Состав их был настолько разновозрастным и интернациональным, что не все понимали друг друга. Ему помогали и «специально обученные люди» из непальцев, и друзья-китайцы, и влюбившиеся пациенты различных полов, в порыве благодарности решившие посвятить себя служению Доктору Жизнь, своему здоровью и избавлению людей от страданий, приникнув к источнику знаний и Энергии, исходящей от Мастера. Китаец взял в руки тяжёлую трость, подкинул её в руке, с загадочной улыбкой глянув на них. Потом повернулся к манекену золотого цвета, всему испещрённому татуировкой схемы расположения основных нервных точек человека. Откинул палкой, проверив, всё ли на месте, ленточку из Индийского флага, прикрывающую гениталии. Пинком ноги развернул манекен и ткнул палкой в середину его спины.

- Здесь была «она», мы её убивали, Энергия Жизни питала и её, она сильно сопротивлялась, я отключил Энергию вот тут. – Он ткнул в левый бок. – И он умер, но и она умерла. Оставалось только включить его и всё… А вы «банку» никак снять не могли. Человек так совсем обидеться может. Сколько раз я показывал, как дыхательный центр включать, ерунды какой-то доверить нельзя. Всё Ку Ку, всё Ку Ку один делать должен, обо всём помнить должен… Что мы консулу скажем, если у нас гражданин Германии умрёт с «банкой» на спине? Помните, мёртвый пациент уже не может считаться таковым, он сразу переходит в категорию клиентов, сильно теряя во всех своих качествах. В том числе, и в платёжеспособности. И это полбеды. Он становится не нашим клиентом, а их. – Показал он в сторону Калангута, где, дымя по ночам, чтобы не портить аппетит постояльцам близлежащих отелей, располагался центральный крематорий провинции Бартез.

2

В «оттопырочной» восточный «садист» украсил девушку иголками разной длины, заставляя слушать «романтическую» музыку и обучив специальному дыханию, когда вдыхаешь Энергию и выдыхаешь Боль. Она лежала на видавшем Боль матрасе, прислушиваясь к новым, незнакомым ощущениям. Воткнутые умелой рукой Мастера одноразовые антенны как будто бы воспринимали на себя звуки, льющиеся из дешёвого проигрывателя, и распространяли их по телу. Иглы, вогнанные на разную длину, как латинский духовой инструмент, состоящий из разноразмерных флейт, заиграли в плоти здравницу Боли. Или реквием Болезни?

По окончании «плюка с гвоздями» девушка вышла из «инквизиторской» улыбающейся и помолодевшей. Слёзы катились по её щекам. В порыве она обняла Ку Ку, поцеловала, как положено, три раза по-русски и ещё несколько минут причитала у него на плече восторженную мантру на международном языке. Китайский мужчина возрастом, где-то от сорока до семидесяти оторопело похлопывал её по плечу, тоже шепча на ухо. Он привык к проявлению эмоций. А может, какая-то другая Энергетическая струнка дрогнула в его душе, задетая камертоном пробуждающейся в женщине Чи? А может, просто сравнивал темпераменты женщин мира, сколькие обнимали его? Наконец, они оторвались друг от друга, он развернул её за плечи и, легонько толкнув в сторону наблюдающего мужа, сказал:

- У вас, наверное, секса не было дня три-четыре? – Он сделал паузу, состроив хитрые азиатские глаза, ожидая ответной реплики от Андрея, пока тот, путаясь в мыслях и кустарном английском, строил умное лицо. – Так чего стоишь, бери её, вези домой и фак, фак, как следует, ей сейчас этого надо, и побольше…, только тико, тико…

Ольга вышла от Доктора на своих ногах. Сама довольно бодро дошла до машины. Смело села на сидение…и взвыла от Боли.

- Давай обратно…это «трендец» какой-то,…по-моему, ещё хуже стало, я думала, это всё… думала, он волшебник какой-то… за полчаса исправить то, что пятнадцать лет болело…зря я села, надо было лёжа…

Россияне на трёх ногах поднялись обратно на веранду к китайцу. Глаза его стали похожи на европейские, как только трёхногая парочка попались ему на них.

- Ай-яй-яй…, Ку Ку плокой меканик. – Причитал, цокая языком, Доктор. – Ку Ку плоко ноську смотрел, Ку Ку не рассмотрел главный «с-сит», Ку Ку не увидел говно… Ай-яй-яй, а проблем-то больсе будет, чем Ку Ку увидел, потому что Ку Ку

плоко глядел… потому что Ку Ку расслабился, курить стал… Ку Ку всегда знал, курить - плоко… а теперь понял, курить – совсем некоросё…

Он ещё какое-то время посамобичевал себя, свои дурные привычки и начинающуюся лысину. Потом что-то промяукал ассистенту китаёнку, тот пошурудил на столе и принёс ему лоток, с которым Доктор элегантно, не создавая ни малейшего шума, порхал между жертвами в шатре. Доктор нащупал точку в пояснице девушки, взял из лотка длинную иголку, приложил направляющую трубочку и воткнул жало. Игла, пробив кожу и часть жировой прослойки, вдруг изогнулась, наткнувшись на препятствие.

- Ай-яй-яй…, вот он где, «с-сит», так, «с-сит», - приговаривал Мастер, как шомполом орудуя вдоль позвоночника.- Сколько лет у тебя это, «красивая»?

- Примерно пятнадцать… а что это? Мне в Москве врачи говорили, диски выскакивают…, их вправлять надо…

Он что-то объяснил, опять применив загадочное слово, обозначающее то ли воспаление, то ли инфекцию. Смысл свёлся к тому, что по какой-то причине много лет назад эта хворь поразила хрящевые прокладки вокруг маленького позвонка. Они медленно разрушались и вот, похоже, разрушились, наконец. Позвонок, естественно, болел и смещался по мере прогрессирования болезни. А частые вправления ускорили процесс и усугубили результат. Не так давно у девушки был сильный эмоциональный всплеск, скорее всего, на сексуальной почве, и тот выброс энергии вкупе с механическим воздействием поставил окончательную точку, перекрыв энергетический канал. Пока энергия пробивается, но каждое движение вызывает Боль. Скоро Боль прекратится, воспаление перекроет нерв. И тогда никакая энергия: ни Чи, ни не Чи, ни Прана, ни «фигана», в ногу не пойдут, а «носька» медленно отомрёт. В Европе ей могут сделать операцию, но когда режут тело, восстановить перерезанные пути жизненных сил тяжело. Люди после таких операций, которые стоят десятки тысяч евро, всё равно остаются инвалидами. Ведь операция на позвоночнике. А это главный кабель, к которому подключена вся нервная проводка, такая мелкая, что восстановлению не подлежит. И только сам организм способен справиться с этой задачей. Но его нужно правильно к тому подтолкнуть. И следует сказать спасибо тому явлению, что послужило толчком к выбросу упомянутой энергии, что спровоцировала кризис. Именно в тот момент, когда рядом оказался Ку Ку. Потому что ещё пара лет садомазохистских экспериментов над своей поясницей и стойкое перенесение Боли посадят её в коляску. Или, на худой конец, он махнул в сторону «указки», эта палка будет её лучшей подругой. Сейчас он облегчит ей страдания, они поедут домой, сегодня и завтрашний день будут смотреть за состоянием «носьки», пить «волшебные»

китайские порошки и «но факинг, этолл». Доктор взял из лотка свои тайваньские «приблуды», оказавшиеся острыми кнопками, вделанными в пластырь, той же конструкции чёрные металлические шарики, и густо декорировал этими болевыми дивайсами уши девушки. Несколько штук прилепил к её запястьям. Рукой художника добавив пару штрихов на щиколотки. До следующего визита, который состоится через день, снимать не велел. Так, выдав Боль «на вынос», он погладил девушку по волосам, проговорив:

- Болеть будет, но надо терпеть, попробуем раскачать твою Чи. Наблюдай за своими ощущениями, посмотри, какие чувства ты будешь испытывать к себе, мужу, жизни…, это важно. Ведь все болезни происходят вот отсюда, - он постучал её китайским пальцем по лбу. - Посмотри, как ты будешь меняться, Боль меняет людей. Боль заставляет человека внимательней смотреть на себя и окружающих. Тебе предстоит долгая дорога, Боль рождалась много лет. Ты, как раненая птица…, я увидел её в тебе…, а птица должна летать… Ты будешь летать, «красивая» … А теперь иди, Ку Ку думать будет, как лечить птичку. – Он почесал жидкую классическую китайскую бороду и добавил, обращаясь к Андрею, при этом глаза его были абсолютно серьёзны – Помни, «но факинг», только «киссинг», тико … тико …

3

На следующих нескольких сеансах китаец встречал русскую пару вопросительно тревожным взглядом. Они не снимали с гвоздя пластиковый талончик с номером, согласно которому наступала очередь приёма, и Доктор определял, с какого наказания начинать. Он сразу клал девушку на кушетку, останавливая беседу с очередником. И применял придуманные ночью изощрения. То ли фантазия его была столь извращённой, то ли, действительно, в восточной медицине существуют подобные процедуры, но Ольга, ставшая с первого посещения главным объектом наведения оптики, почувствовала себя смесью телезвезды и подопытного кролика. Правда, в руках Мастера ей было даже приятно ощущать свою беспомощность и зависимость. Как раненой птице, волей случая попавшей к человеку и дрожащей в его руках, не доверяя до конца, но надеясь на спасение. Да и выхода у неё не было. Люди, сидящие вдоль стены и ожидающие приёма, также подходили к месту экзекуции и, впечатлённые, щёлкали мобильниками, предвкушая, как они будут показывать фотки своим друзьям и говорить: «Вот, вот, мне он ещё не такое делал. Я просто сам себя снимать не мог. С меня он ещё крови, как с поросёнка слил, аж, нехорошо было!!!» Именно так, возбуждённо, рассказывал своим спутницам возрастной деятель

российского шоу-бизнеса, неоригинально для этой категории людей прибывший на отдых с молодой любовницей и взрослой дочерью, подругой любовницы. У мужчин вообще с Болью менее терпимые взаимоотношения. А у этой категории «товаристчей» они переходят в гордость за себя, перенёсшего «страшные мучения». Даже если результатом их явились три капли крови на туалетной бумаге, вывалившейся из «банки».

Ку Ку подходил к процессу, как истинный художник. Он лично грел злополучное место на пояснице девушки специальной «туркой» с дырявым дном, в которую вставлялась толстая китайская сигарета, набитая полынью вместо табака, угольком вниз. Накаливал в огне зажигалки иглы и раскалёнными погружал в русскую плоть. Они с лёгким шипением входили в тело, Доктор следил за реакцией испытуемой, но чувствительности пока не было. Он делал задумчивое лицо, что-то бормотал на разных языках мира, говорил, что попробует на ночь принять ЛСД, чтобы во время трипа увидеть проблему шире. Если и здесь он не нащупает пути вывода организма на нужный мобилизационный уровень и не сможет увеличить интенсивность разгона Энергии, то они вместе обратятся к Грибам. Для этого он позвонит Джеку Машруму, бывшему члену Ирландской Республиканской Армии, отсидевшему, в общей сложности, лет двадцать за терроризм, и ныне известному в Гоа гроверу, прославившемуся разведением и выращиванием псилоцибиновых Грибов. Джек - его лучший друг, Ку Ку вытащил его с того света, когда друзья привезли раненого английской пулей боевика на носилках и, положив в углу, сказали, что, если умрёт, он ничего не видел, нашёл его под дверью своего ольстерского кабинета. Китаец несколько лет жил в Великобритании и пользовался там огромной популярностью, но он не нашёл в ней гармонии и равновесия и обосновался в Гоа. Пуля прошла Джеку навылет, повредив позвоночник и парализовав экстремиста. Китаец провозился с лежачим больным год, стараясь не расспрашивать того о его биографии. Но Боль сближает, и со временем Доктор узнал из его уст всё. Друзья и товарищи по взрывчатке забыли бывшего соратника или списали его со счетов, как инвалида. Ку Ку забрал его в Индию. Сейчас он живёт в Калангуте, а, может, этот район относится уже к Баге. Способности и образование химика легко позволили ему переквалифицироваться из подрывников в микологи. Он оборудовал лабораторию, специальные боксы для разведения мицелия, ультрафиолетовые лампы и прочие непонятные человеку, далекому от биохимии, «прибамбасы». Купил на севере Индии в деревеньке себе за тысячу долларов молодую девчонку, женился на ней, выполнив данное родителям обещание. Приодел, умыл, обул, обучил английскому языку, купил ей тёмные очки «от Гуччи», полкило золота в уши и в прочие разрешённые индуизмом места. И сейчас, когда они во время вечернего променада чинно прокатываются вдоль деревенских улиц на великах, кажется, что дредастый, из бывших хиппи,

папа прогуливает свою дочку, родившуюся от восточной мамы.

Грибы могут многое сказать человеку, надо только суметь их спросить. Для этого нужно выполнить ритуал. Неделю чисто вегетарианское питание, в последние три дня воздержание от секса, а в день сессии плотно позавтракать, опять же по-вегетариански, и больше не есть, а только пить воду. Потом за час до заката съесть чашку горького шоколада без сахара и принять совместно Грибы. Когда они вместе попадут в их мир, Ку Ку расскажет им о проблеме и попросит показать метод, которым нужно добиваться результата. Конечно, не факт, что Грибы откроются им, Ку Ку обращается к ним только в крайних случаях, чтобы не беспокоить. Но он всё равно придумает, как спасти «птичку», чтобы «носька» её была здоровой, а спинка прямой.

В дни, когда приёма не было, Ольга перемещалась с кровати на диван в гостиной, Андрей кормил её завтраком, обычно состоящим из поджаренного хлеба собственного производства с мёдом диких пчёл, которым снабжал их Игорь Ганди, привозивший экзотическое лакомство из предгорий Гималаев. Вернее, хлеб пекла автоматическая хлебопечка, специально купленная в Москве. Жена стоя завтракала, держась за спинку стула, она могла только лежать или стоять. Муж отвозил ребёнка в школу, готовил еду на семью, членом которой стала с недавних пор собака, вернее, щенок, бесцеремонно зашедший в гости и поселившийся на веранде. Выводил жену пописать в туалет, потом стелил ей матрас на веранде. И они с Чубайсом, прозванным так за рыжий цвет и горящие жаждой деятельности глаза, вместе лежали там полдня, занимаясь каждый своими делами. Ольга подкладывала под полумёртвую ногу подушку, на которую сверху клала ипликатор Кузнецова, волей Провидения попавшего в Москве в чемодан. Настраивала своё тело на «мелодию Боли». Представляла ее как бы изнутри. Она пробовала управлять этой мелодией. Вонзённые шипчики аппликатора первые секунды вызывали болезненные ощущения. Но болела израненная кожа, которая быстро привыкала. Перекрытые нервные окончания внутри конечности чувствовали лишь легкие покалывания и слабые, похожие на электрические, токи. Так продолжалось недели две. Капля за каплей Боль возвращалась в холодную ногу. Она начала уже чувствовать этот холод, шевеление пальцами вызывало странное, болезненное натяжение по всей длине икры и задней стороне бедра. Ольга лежала сосредоточившись. Дышала, как учил Мастер, пытаясь перемещать Боль в разные участки тела. Она смещала таз относительно позвоночника, зарождая и вынашивая её. Когда та крепла, мысленно гнала её вниз к холодным пальцам. Разогнав оттуда по всей длине ноги, швыряла её себе в грудь под сердце. Пытаясь загнать в голову, потом выводя из тела наружу через рот или нос. Играя ею и приручая её. Со временем это стало получаться. Доктор был прав, Болью можно управлять, её можно

использовать себе во благо и даже получать удовольствие. Она, как утренняя затяжка, столь желанная и тошнотная, в первые мгновения приносит умиротворение и уничижающую радость впоследствии. Девушка стучалась своей Болью в бесчувственную половую губу, вызывая в ней покалывание и зуд. Из-под сердца с размаха загоняя в матку, распространяя тепло по онемевшему влагалищу. Боль просыпалась, Боль оживала, Боль начинала играть. Боли нравилось это, Ольге тоже. Они научились наблюдать друг за другом со стороны.

Ольга уже самостоятельно, вставая на ступеньку обеими ногами, медленно поднималась в приёмную к Ку Ку. Доктор встретил её удовлетворённо-удивлённой хитрецой в сумасшедших китайских глазах. И заговорщицки, нетерпеливо, как ребёнок, объяснил, что он придумал новый ход. В этот день они повеселили публику. Мастер положил на больное место два толстых среза имбиря и сквозь куски корнеплода вогнал в поясницу несколько игл. На их рукоятки он насадил похожие на модное японское кушанье кусочки полынных сигарет и зажёг их. По замыслу, имбирь, обладающий какими-то там Энергетическими свойствами, подействует на воспалённые косточки расслабляюще благотворно, сообщив эту энергию накаляющимся иголкам. Сталь передаст её в пронзённые нервы, те возбудятся, завибрируют, расширятся, разбухнут и будут отвоёвывать себе место в плоти. Место прогреется, расширится и пережатым нервам будет легче найти новое положение. Ведь всё в нашем теле пытается найти наиболее удобное положение. Натюрморт получился на славу. Повар Ку Ку даже обошёл вокруг кушетки, любуясь содеянным и вдыхая ароматный полынный дым, смешанный с эфирными маслами нагревающегося имбиря. Потом к этому запаху примешался сладковатый дух подвергшейся термообработке кожи. Ольга слабо ощущала переходящее в жар тепло, но по запаху поняла, что поджаривается. Полностью доверяя Доктору, она лишь стиснула зубы и молча терпела. Ку Ку сам скоро понял, что имбирь не должен касаться тела, и, заряжая новые сушёные ролы на рукоятки игл, приподнял кусочки приправы над кожей. Процесс пошёл, прогресс не отставал от него, как в положительных изменениях в теле девушки, так и в новых придумках изобретательного китайца.

На следующем сеансе он встретил русскую пару чёрным нейлоновым ремнём в несколько метров длиной. Силой, сквозь слёзы девушки, потому что самое болезненное было сгибаться в пояснице, он усадил её на стул спинкой между ног и жёстко зафиксировал ноги и таз BSMDшным бандажем. По странному совпадению Ольга в этот день оделась в белые шорты с чёрно-красными геометрическими фигурами и белую рваную майку с чёрной окантовкой. Этюд получился на зависть шведским порносайтам. Количество воткнутых игл

достигло тридцати. И втыкал он их красивым веером под разными углами в позвоночник девушки, имитируя гребень игуаны. Несколько штук в голове дополняли картину, напоминая рожки ящерицы. Чёрные ремни на руках и ногах контрастировали с серебряными рукоятками иголок. От любопытствующих и сочувствующих не было отбоя. Два часа она, привязанная, с железками в теле, просидела на стуле. Все эти два часа Андрей не отходил от жены, отгоняя мух и стряхивая любопытных муравьёв. Ольга же, чтобы отвлечься от мыслей и Боли, переключала своё внимание на происходящее вокруг, пытаясь расслышать знакомые английские слова. Вот ветеран пластической хирургии и постоянный пациент, английская бабушка, поднимается по лестнице. Как всегда, она подойдёт поздороваться к помощнице Сэме. И та, сделав обрадованное лицо, как будто только ради неё вышла на работу, ласково промурлычет в ответ: «Вы уже завтракали сегодня, как ваш «шитинг»»? В том смысле, как ей сегодня какалось. «Ой, что вы, после вашего замечательного порошка просралась на удивление мужу, который также страдает запорами, но ещё не знает Доктора Ку Ку. Он уже созрел пойти на приём. В пятницу я обязательно его приведу»! В пятницу всё будет то же самое, за исключением того, что «зреть» он теперь будет до понедельника. Один из ближайших друзей китайца, армянин Артурчик, перевозивший к Ку Ку добрую половину армянской диаспоры Москвы, тащит очередных туристов с Юга Гоа. Виталик, из «уралмашевских», получивший на «стрелке» пулю по касательной в висок - с тех пор он уже год не спит - также из приведённых Артуром, сейчас ляжет на кушетку. Его охранник со лбом шириною «в три шнурка» подскочит, когда ассистент-непалец приладит тому на висок банку. А Доктор насосом, похожим на пистолет, начнёт откачивать воздух. Со стороны, возможно, это смотрится, как «контрольный» в голову». Сейчас Ку Ку подойдёт к ней, Ольге и сделает очередную «гадость» -заменит на новые «сигареты» на иголках или опять будет изображать из себя Башмета, тонким стальным смычком играющего на её позвоночнике фуги Баха. Ой, а этот что здесь делает, неужто, тоже занемог? Англичанин Абу, от слова «абориген». Или среди русских более известный, как Лорд Кетаминыч. Шестидесятилетний, некогда Пол. Какой-то там Набережнотемзовский. Он иногда демонстрировал грамоту, подписанную Её Величеством, о присвоении ему звания Лорда всея Великобритании. Лет десять назад решивший, ну что он, в задницу, за Лорд. Да пусть даже и Лорд. Но не в той «туманной заднице». А на более солнечном берегу. Да и дышится тут гораздо легче, хотя и в Лондоне практически полный «леголайз» на кетамин. Уж больно Лорд любил этот препарат, используемый в ветеринарии для наркоза животным. На английские организмы он оказывает не менее чудотворное действие, вызывая двухчасовые полёты по уголкам подсознания.

Приёмные часы клонятся к закату. Доктор чаще выходит курить. Руки, утыканные антеннками иголок, затекают и кажутся чужими. Сейчас прозвучит финальный аккорд рапсодии Боли – извлечение металлических жал. Почему-то их надо вынимать, подкручивая, одним движением. Как бы ставя точку, а не запятую, мол, на сегодня хватит. Отдыхай. Растревоженные нервы ещё долго ноют и отзываются напряжением. Потом наступает лёгкость и покой. А к вечеру опять приходит обострение. Злое, рвущие на части, выдавливающее слезу и не дающее пописать. Иногда вызывающее отчаяние. И тогда мысли о коляске, костылях и припудренных пролежнях настырно лезут в гудящую голову, в которой колоколом бьётся дурацкое – «лихо мне, лихо…». Приглушаемые тянущейся из бонга струйкой душистого дыма они сливаются в единую с Болью вибрирующую жилу. Открывая в Подсознании таинственные двери, в которые никогда бы не заглянул, не сложись воедино множество фактов и событий. И случиться они должны были здесь и сейчас. Взбудораженная иглами Чи мечется по телу… Ещё одна порция смеси гашиша с начинкой из аюрведических сигарок «Нирдош»… Последняя… Последняя и спать… Того, что в Непале растят на плантации… на плантации Гриши Тусвимова… Боль то утихает, то возвращается… А может, съесть на всякий случай обезболивающего «Найс», таблеточку…

Пачку морфина в таблетках путём минутного подмигивания и объяснения, что «ну очень надо», Андрей достал в знаменитой «стеклянной» аптеке. Но это если уж совсем настанет «жесть». Аптека эта давно стала знаменитой тем, что там с небольшим «бакшишем» можно было приобрести различные наркотики и препараты, запрещённые или строго контролируемые в мире. Тут, например, дальнобойщики и водители междугородних автобусов имеют в аптечке амфетамины. Большинство дальних переездов планируются на ночь. Дневная жара делает передвижение в дневное время экстремальным, а кондиционированный транспорт себе может позволить не каждый. Вот и ездит бедный люд на ночных «спальниках» с открытыми окнами и объевшимися «колёс» водилами за рулём. Чтобы не случилось, как в анекдоте про грузинского шофёра, который жил, как настоящий мужчина, и умер, как настоящий джигит, во сне, с улыбкой на лице, не то, что те тридцать три обосравшихся пассажира его автобуса.

Смешно.

Боль отступает, как будто испугавшись. Ноги холодные даже в андреевых носках. На термометре двадцать семь градусов. Токи бегают по ноге.

Сон.

Сон придавливает всей жёсткостью бескомпромиссного непальского гашиша, не давая оторвать голову от подушки. Развевающаяся жидкая борода Ку Ку на фоне снежной вершины где-то в Гималаях. Может, это Тибет? Ку Ку смотрит прямо в глаза и смеётся, губы смеются, а в глазах смертельная тоска. Точно, это Тибет. Только это не Ку Ку. Вернее, ещё не Ку Ку. Отец троих детей. Один из руководителей Триады. Жёсткий глава мафиозного клана - Сунь Вынь Вчай. Обладающий такой силой, что «на стрелках» конкуренты боялись подойти ближе пятнадцати метров. Их крючило от исходящей из него Энергии. К сожалению, не всегда Сила даётся в комплекте с разумом и открытым сердцем. Поэтому молодость часто использует данное тебе Богом, направляя эту Силу в негатив. Ведь трудно удержать Силу до созревания души. А когда приходит зрелость, Силы уже нет. В тридцать пять лет оглянувшийся назад, посмотревший по сторонам, ужаснувшийся грядущему, он бросает семью. Уезжает в Китай. Бродит по Тибету. Гималаям. Индии. Непалу. Один год и семь месяцев. И что? Ничего. Он не находит ответа на погнавшие его вопросы. Монастыри, в которых он бывал, не становятся его прибежищем на долгий срок. Встречавшиеся люди не могли показать ему путь. С каждым найденным ответом количество вопросов только возрастало. Прошлое порвано, настоящее не склеивается, а будущего нет. Он решает вернуться на остров только затем, чтобы проститься с семьёй и покончить с собой. Не вышло. С семьёй простился. Убить себя не смог. ИСПУГАЛСЯ. Последний выход – уйти в монахи. Монастырь. Он сразу понял - это его Монастырь. Он даёт себе зарок. Год он не произнесёт ни слова. Молчание оказалось ещё тем золотом. Оно давалось с трудом. Мысли, откуда-то забившие фонтаном, он излагал на бумаге. За год он написал четыре тысячи стихов. Стихов – притч. Стихов – дум. Стихов – исканий. Количество нарисованных картин он не подсчитывал. Остальные обитатели монастыря считали его ненормальным. Настоятель присматривался. Когда год закончился, он вызвал к себе бывшего бандита. «Ты год молчал, ты год убивал в себе прошлое. Ты говорить-то не разучился? Как тебя зовут, помнишь?» Обросший немой не открывал рта. «Ты у нас, часом, не того, не куку?», - покрутил он пальцем у виска.

«Точно, Ку Ку», - ответил тот и ушёл в келью. Так на тридцать восьмом году жизни скончался некогда преуспевающий бизнесмен, бандит, почётный якудза, впоследствии сошедший с ума Сунь Вынь Вчай. А в его теле родился художник Ку Ку, ставший впоследствии Доктором, Мастером Зеном. Мощнейшая практика годового молчания открыла в зрелом человеке неожиданные способности и возможности. Он стал видеть предметы изнутри. Некоторых людей он начинал «чувствовать» и тогда он видел их недуги. Видел нарушения в организме. Он вернулся в свет. Прежние друзья восприняли его по-разному. Одни перестали с ним знаться. Другие помогли опубликовать книги и стали покупать его картины.

Несколько месяцев он творил. Он буквально летал над землёй. Строил планы. Готовил выставку. Но прошлое догнало его. Не все смогли простить ему его бывшую Силу. Не все смогли простить ему Сунь Вынь Вчая. Содеянное единожды не проходит бесследно. Память о наших поступках хранится в Памяти Мирозданья. И на каждую Силу есть другая СИЛА. Его подкараулили, ударили по голове и сбросили с обрыва в море. Друзья нашли его на третий день. То, что от него осталось, жить вряд ли могло. Он прохрипел, чтобы его отвезли в Монастырь. Ведь это был Его Монастырь. И он должен был проститься с Настоятелем. Он хотел умереть в Своём Монастыре. Настоятель, когда увидел тело, улыбнулся и пробормотал что-то вроде: «Ну, наконец-то, я уже заждался…что-то долго его не убивали…я его уже три месяца вспоминаю…», - махнул монахам рукой и пошёл к себе. «Мешок с костями» отнесли в келью Настоятеля и оставили там наедине с хозяином. Что там происходило дальше, рассказавший эту историю ассистент Ку Ку, помогающий ему на приёмах в Кандолиме, не знал. Он просто не мог знать. Его в Монастырь не пустили бы. Вернее, он сам бы не пошёл. Он был один из тех, кто подкарауливал его и бил огромным камнем по голове. И скидывал в море. Тогда ему было восемнадцать лет. Сейчас под пятьдесят. Последние двенадцать лет он любимый ученик Мастера. Через три месяца Ку Ку вышел из кельи, опираясь на ту самую палку, которую впоследствии использовал как указку. Кости черепа срослись. Лишь челюсть пришлось делать вставную. Настоятель научил его главному – как ЧЕЛОВЕКУ самому поднять себя из небытия. А если можешь вылечить себя, то с чужим телом разобраться будет гораздо легче. Настоятель обучил его иглоукалыванию. Вернее, объяснил, что такое существует. Остальное Ку Ку увидел сам. Где проходит какой нерв. Где Энергия пробивается наружу. Куда воткнуть. Где прижечь. Он научил его работе с Энергиями, отвечающими за Жизнь Тела. С Духом и той страшной и всеобъемлющей Силой, которую обозначают английским словом «Майнд», было проще, ведь Ку Ку был очень Сильным Человеком.

Но

это

был

уже

другой

ЧЕЛОВЕК.

- Приезжайте ко мне вечером, в любой день, кроме субботы. – Обнимая в конце рабочего дня русскую пару, сказал Мастер. – Тут вечером интересно, мои студенты, пациенты, да все, кому не лень, здесь чудят. Мы Тай Чи занимаемся, джем-сейшены проводим, медитируем.

- Наверное, ещё недельку подождём. – Ответил Андрей, кивая на Ольгу. – Она может только стоять или лежать, а стоять недолго и очень плохо. Да и слабая она, вон, сорок пять килограмм осталось.

- Ну, может, ты и прав, спешить не будем. На следующей неделе как раз наш китайский Новый Год. Вы – почётные гости, я в Москву в июне еду, заодно и ПОГОВОРИМ…

ПОГОВОРИТЬ НЕ УДАЛОСЬ…Китайский Новый Год пришёлся на седьмое февраля. Неожиданным было всё. От количества блюд, длинным рядом выстроившихся по центру открытой веранды, до их смысла. Ку Ку лично готовил самые экзотические. На столе даже присутствовало огромное блюдо с говяжьими полусырыми «Кукустейками», кушаньем, весьма изысканным и оригинальным для индийской земли по причине святости в индуизме производителя сырья для его приготовления. В основном, это были блюда китайской, тайваньской, тибетской кухни. Огромные тазики с зеленью, травами и овощами, выращенными лично Ку Ку на собственной ферме. Так как всё, что там выращивается, предназначено исключительно для внутреннего пользования лично его и его ресторана, Агроном Зен не стал применять нанотехнологии, генную инженерию и семена американской фирмы «Монсанта», славящейся на весь мир этой гадостью. А попросту сказал своим непальским работникам собрать побольше бесхозного коровьего дерьма, прославившего Индию далеко за её пределами своим количеством и лёгкой доступностью, даже если вы живёте где-нибудь в центре мегаполиса типа Калькутты, Дели или Мумбая. И так, по старинке, на всём аюрведическом, он стал растить на своей «Органик фарм» экологически чистую продукцию. Страусиное яйцо с той же фермы, приготовленное каким-то тайваньским методом. Нанизанные на шпажки креветки по три штуки в килограмме, приготовленные на гриле. Так же приготовленные полукилограммовые лягушки, которых в Гоа принято подсаживать в водоёмы для фильтрации воды и которые шокируют туристов, заглядывающих в гостиничный колодец. Венцом этого кулинарного разврата являлся небольшой двухметровый, вместе с носом, Голубой Марлин, по-простому запечённый на противне, также пойманным на рассвете Рыбаком Зен лично.

Биографии же гостей, почтивших за честь принять приглашение Мастера, могут занять целую книгу. Народ был весьма уважаемый, от министра культуры и туризма штата Гоа и святых Бабу, также нуждающихся в участии Ку Ку в их здоровье, до бывших известных террористов, авторитетных гоанов, типа немца Инго, владельца «Найт Маркета», щеголяющего рубахой с вышитыми павлинами и выкрашенной в красный цвет косой по пояс на лысом черепе, пожизненно и бесплатно предоставившего Ресторатору Зену место на своём рынке для продажи суши и момо, лично состряпанными Поваром Зеном. Многие называли Ку Ку - «Сенсей», подразумевая «учитель». После этой ночи иногда среди близких друзей, а их побывало тогда в «Ку Ку Гарден» около трёхсот, стало употребляться неожиданное «Шитсей» - «Какашечный Учитель». Так как гостей он встретил разукрашенный туалетной бумагой и со стульчаком на шее. Может, в другой компании и другому хозяину удивились бы. Но Клоуну Ку Ку можно. Ведь он же Ку Ку, а смысл слова «куку» известен всем. Когда Учитель хочет создать у аудитории, настроение, он имеет право пользоваться теми методами, которые считает уместными. В данном случае, туалетная атрибутика, возможно, символизировала очищение, оставление всего шлакового и отходного в уходящем году. Общение длилось до утра, прерываемое обезболивающим втыканием иголок разгулявшимся недолеченным гостям. С каждым хозяин ухитрялся выпить, перекинуться парой слов. Играли в какую-то китайскую карточную игру на раздевание и целование, в которую всегда выигрывал Шулер Ку Ку. Поэтому часть гостей в приглушённом свете отсвечивала синяками, следами от присосанных давеча «банок», на разных частях тела. А вечерние платья некоторых дам висели на руке золотого манекена с татушками Энергетических линий человека. Банкующий Ку Ку оставался замотанным в бумагу и с сиденьем от унитаза на шее. ПОГОВОРИТЬ НЕ УДАЛОСЬ…

5

С наступлением мансуна, в июне, Ку Ку поедет в Россию. Ку Ку уже четвёртый раз поедет в Россию. Ку Ку любит Россию. Его немного удивляет странное московское лето, напоминающее плохую гоанскую зиму. Но это даже возбуждает. У него там много друзей. Пока для него вся Россия - это Москва. До других городов он ещё не добрался. Про него даже показывали фильм на «НТВ». Правда, это был сюжет об иностранных художниках, приехавших в Москву. Ведь у Ку Ку нет лицензии. Лицензии на работу иглоукалывателем в России. А так как он китаец, то все эммиграционные власти самонадеянно уверены, что скрытой его целью является остаться тут жить. У него вообще нет никакой лицензии. Лицензии Ку Ку не нужны. Уже хорошо, что у него есть паспорт. Сделал по случаю. В нём фотография китайца и озадачивающая консульства всего мира

китайская фамилия. У его учителя, Настоятеля из Монастыря, такой ценной штуки нет и не было никогда. Да она ему, в принципе, не нужна. Он и так путешествовал по всему миру. Кто хотел его видеть, присылали за ним самолёт и как-то договаривались с подчинёнными им пограничниками. И сейчас правительства многих стран хотели бы видеть его при дворе. Но учитель стал стар и больше не покидает святых стен. Шутка ли, сто сорок четыре года, двенадцать дюжин, столько, как он сам говорил, ему быть заключённым в этом теле. Скоро он Уйдёт. Он даже звонил Ку Ку со спутникового телефона, предлагая занять его место после Ухода. Но с Куку разве договоришься. Ведь кукушки, именно так переводится «куку» с английского, очень любят жизнь и ценят свободу. Они даже своё потомство подбрасывают в чужие гнёзда. По той же причине Ку Ку отверг предложение администрации из Вашингтона, через посредников зазывавшей Мастера в Америку и грозившейся сделать его миллионером. Но для Ку Ку миллионы – мелочь. Зачем они ему? Если понадобится, он и так их сможет достать. Да и само название этой страны в его голове звучит с машинально прибавленным спереди определением «факинг». Ку Ку - гражданин Тайваня, следовательно, китаец. Китаец, да ещё и Ку Ку. Ку Ку, едущий в Московском Метро. Хорошо, что без круга от унитаза на шее. Хотя, в Москве трудно народ удивить, не заметят, ведь. Уж больно занятые все. Замечали его лишь те, чьё благосостояние напрямую зависит от их бдительности. Блюстители. Как бы порядка. Милиционеры. Но он же всё-таки Ку Ку. Что он там говорил им, на каком языке, вроде, не дотрагивался ни до кого ничем, но они вдруг забывали, о чём хотели расспросить Мастера. И отпускали с Богом и Улыбкой на форменном лице. Они на время тоже становились «ку ку», или «куку». А однажды остановившийся у тротуара патруль ППС подвинулся и, усадив усталого после осмотра столичных достопримечательностей китайца на заднее сидение своего «москвича», подкинул в Бутово. Где Мастер жил на квартире своего друга Игоря Ганди, также сбежавшего из Гоа на мансун в Рашу.

Ганди обычно мансунил в Гоа, июньская московская аллергия и иммунитет к ностальгии не срывали его с индийской земли. Игорь вырос в Индии. Его родители в конце шестидесятых-начале семидесятых работали в этой стране более четырёх лет. Отец был редактором журналов, издаваемых для Азии бескорыстным СССР. Журналы назывались «Совет Лайф» и «Совет Ленд». И, согласно названию, рекламировали: один - преимущества коммунистического образа жизни, другой рассказывал, кому на Руси жить хорошо.

Как было принято в те времена, жить на Руси хорошо было всем. В чём семья убедилась, когда закончилась командировка отца. С тех пор Игорь много ездил по свету, старательно облетая Индию. Он как чувствовал, если судьба занесёт

его туда на отдых, уикенд может затянуться на годы. Примерно так оно, в конце концов, и случилось. Плюс ещё внешние обстоятельства. Наступил в жизни момент, когда он понял: нет, ему тут не жизнь. Не его он, город Москва, да и нет уже Москвы, которую он знал. Не пройдёшь уже по тем переулкам возле Калининского, где они шкодили со студентами Гнесинки Олегом, сыном цыганской джазовой певицы, и Филиппом, сыном болгарского певца. Олег уехал в Лондон, Филипп скатился к звёздам. А Калининского нет. Нет даже дворников, они теперь называются узбеки. И людей нет. Есть бизнесмены, рабочие, студенты, няни с детьми, гастарбайтеры, милиционеры, учёные, попса, Ксения Сорняк, Дима Билайн. Даже Марк Григорьевич Штрудельшницель - и тот нашёлся. Много чего есть. А людей нет. И его нет. Для них нет. И они друг другу не НУЖНЫ. Есть поликлиники, кафе, рестораны, театры, Останкинская Телебашня, ПИФы, шмифы, банки, бани. Всё для жизни. Есть даже нефтяные компании, а Жизни нет. Для него НЕТ. Здесь НЕТ. И люди здесь не Живут, город мёртв. Они здесь работают, трудятся, приезжают на заработки, слушают «Русское Радио», втридорога снимают жильё… и не живут. Здесь рождаются, делают карьеру, зарабатывают деньги, скупают недвижимость, копят, барыжат акции, работают работниками, убивают и… не живут.

Он бросил работу, сальный кусок в крупной компании, где служил придворным массовиком-затейником, устраивая корпоративки и организуя «мальчишники» «большим пацанам». Вернее, она его бросила, или кто-то сумел его подставить перед «буграми». Место было очень тёплое и задов на него хватало. Его посетила странная мысль. Зачем всё это? Зачем триста сорок дней в году метаться по огромному, депрессивному, окружённому Московской Кольцевой Автодорогой офису? Спать в бетонном пенале для человеческого материала, перемещаясь в дорогой вожделенной железной шкатулке на колёсиках в бетонный пенал для человеческого персонала. В котором работать, работать и работать, как завещал великий… стоп, флешка, это уже было. Ленин умер, цели уже не те. Уже другая «руководящая и направляющая».

Так бывает, когда первый раз попробуешь ЛСД. Когда действие его уже закончилось, через пару дней вдруг мимолётные виденья, как злой гений чистого ужаса, вдруг схватят когтистой лапой твой мозг, нежно поцелуют его, и ты вспомнишь всё. Даже чего и не было. И, может, даже чего-то поймёшь. И Великого Ленина, и гроб с Брежневым под фонограмму заводских гудков, и обесточенные по этому поводу на пятнадцать минут пивные автоматы возле кинотеатра «Ашхабад». И ночи в «Табакерке» на Чаплыгина. И безумный секс с певицей из «Еврейского Камерного Театра» прямо на столе у его директора Юрия Борисовича Шерлинга в Новогоднюю Ночь. Какой же это был год? А перестройка? Тогда номер года не имел ЗНАЧЕНИЯ. МОЛОДОСТЬ. И начало

НОВОЙ ЖИЗНИ. И танки в туннеле под Калининским. Нет, сначала были годы учёбы и дворницкая на Красина на двоих с Юркой-осетином. Вернее, сначала была его жена… и подсчёт мелочи у прилавка с рыбой, хватит на минтая или опять «шпроты» из кильки «по-Табаковски»? Юрка теперь олигарх – стареем. Август № 91. Хмельной Президент с пьяным танкистом на броне. Тёплый октябрь № 93, с веером трассирующих пуль над Калининским и голливудским перезвоном сыпящихся гильз. Они всё-таки убили Калининский. Сейчас на его месте стоит Новый Арбат, не менее пластмассовый, чем Старый, но более гламурный, чем Чертаново. А зачем? Зачем сносить храмы и строить на их месте БАССЕЙНЫ. Зачем сносить бассейны и строить на их месте подземные гаражи, увенчанные сверху ХРАМАМИ. Храмами с целлулоидными ликами. Наверное, это ИМ надо. Если кто-то «зажигает», значит это кому-то надо. Значит, они ещё не наелись. Ещё не заработали на будущее лечение в старости. Вот ещё немного заработают и потом начнут ЖИТЬ.

Так подумал Игорь и уехал в Гоа. ЖИТЬ. «Жировых запасов» хватило, чтобы открыть гостиничный бизнес в арендованном гестхаусе. Открыл. Через полгода закрыл. Прогорел. Через год понял, к Гоа нельзя подходить с нашим менталитетом «зарабатывания» денег и обеспечения тыла. Гоа – отдельная ПЕСНЯ. Деньги здесь сами появляются, когда они становятся «очень нужны». Не большие, не жирные. Но здесь таких и не надо. Не сказать, чтобы загадочным путём. Просто, когда вдруг предстояли траты, в то же время и появлялись возможности заработка. Или когда он в чём-то кому-то помогал совершенно без задней мысли, то вдруг обнаруживал, что люди, уезжая, в благодарность оставляли ему пару сотен долларов на тумбочке. А через некоторое время случались расходы, составляющие примерно свалившуюся сумму. Так что он понял алгоритм денег, оставалось только не «париться», и тогда наступит Шанти. Пусть деньги сами «парятся» по его поводу. И находят его сами. И сами пусть уходят на их же усмотрение. Он решил разорвать порочный круговорот денег в природе, когда всё отпущенное до пенсии время человек пыжится заработать их всеми правдами и неправдами. Для того, чтобы тратить потом на…зарабатывание денег. Так что о деньгах он думать перестал, он просто ЖИЛ.

И это была ЖИЗНЬ. Иногда он забывал ночью поспать, а утром поесть, и делал всё наоборот. Но это была ЖИЗНЬ. А однажды во время секса, когда наступил оргазм, он чуть не умер, потому что забыл, что надо дышать. И это тоже была ЖИЗНЬ. Поэтому было бы удивительно, если на нашей крохотной планете не встретились два этих человека – Ганди и Ку Ку. Особенно, в таком узком месте, как Гоа. Не сказать, чтобы женщины Ганди любили. Но он их понимал. Иногда они отвечали ему взаимностью. А две так даже благоволили. Одну звали Карма, индианка, другая - Судьба, славянка. Они обе догадывались о предстоящей

встрече. И обе начали её готовить ещё давно. В восемьдесят первом. В Афганистане. Тогда Игорь служил в армии. На метеослужбе. В кабульском аэропорту, превращённом в военный аэродром. Их группу ПМС (Передвижная Метео Станция) прислали из Белоруссии взамен погибшего штата - ракета попала в окно. «Давал погоду» вылетающим бортам. А в свободное от дежурства время развлекался местным аттракционом – полётами на МИ 6 задним стрелком. В те годы у «Крокодилов» (МИ 24) на моторах стояли специальные экраны - «уши», блокирующие тепловое излучение, по которому на вертолёт наводился душманский «Стингер». У «Мишек» таких «ушей» не было. И русская смекалка посадила в заднюю часть кабины человека с крупнокалиберным пулемётом. Пулемётная подвеска находилась прямо между двигателей. И это было дополнительным стимулом стрелку до головной боли вглядываться в проплывающий под брюхом «вертушки» горный рельеф. Чтобы на возможно большем расстоянии засечь отделяющийся от земли чёрный шарик с дымным хвостом, несущийся тебе в лоб. И тогда начиналось веселье, бьющее под сердце адреналином. На перезарядку времени не было - ставили сразу большую ленту. В течение нескольких секунд струя, состоящая из пятисот несущихся с сумасшедшей скоростью болванок, разносила в куски всё, встречающееся на своём пути. Главное, чтобы ей встретилась ракета. Если стрелок не был достаточно метким, он быстро узнавал об этом. Экипажу, сидящему спиной к шоу, обычно было уже всё равно. Игорь неплохо поднаторел в стрельбе и на последнем для себя вылете даже сбил роковую третью «рыбку». Вот только подпустил очень близко. Ракета рванула в нескольких метрах от борта. Летуны посадили горящую вертушку. Игорь успел зарядить новую ленту в раскалённый «Печенег». Они даже повоевали ещё минут несколько, в бреду, на автопилоте. Потом была вспышка, и темнота. «Духи» не добили раненого. Они оставили его в заминированном сарае. И сами расселись рядом. Как и ему, им нечего было терять. Кроме Жизни. Они были на своей земле. Они собирались отдать свои Жизни во имя их Бога, забрав с собой побольше неверных. Но непонятливые покинули этот район. Передислокация. Они не зачистили район боестолкновения. То ли не знали о нём, то ли забыли в неразберихе. Война. «Духи» опять не добили раненого. Игорь хорошо запомнил лицо одного из них, приносящего ему воды. Угловатый подросток с «бубликом» на голове и тяжёлой винтовкой «Бур» на плече - антикварным ружьём времён южно-африканской войны, с примотанным к нему изолентой треснувшим оптическим прицелом. Детский сад. Его звали просто, по-афгански – Сэм. Через двадцать четыре года в Гоа, в Вагаторе, наблюдая «сансет» с холма «Найн Бара», они с Сэмом долго смеялись, вспоминая ту по-пуштунски тюнингованную «пищаль», и весьма удовлетворённые обстоятельством, четверть века назад не позволившим никому из них убить друг друга. Dj Сэм с дредами, торчащими из лысого черепа, работал

в этот день диджеем в «Найн Баре». «Духи» не добили раненого, потому что «предатель», или «посредник», все называли этих людей по-разному, стал договариваться об обмене пленного на патроны и сахар. Переговоры шли дня три. Все торговались. Потом ударили по рукам. За два ящика патронов и один мешок сахара Красной Армии был возвращён полумёртвый боец, и полкило гашиша в придачу - компенсация за техническое состояние тела бойца. Потом госпиталь, лечение от контузии. Дембель. Госпиталь. Выключенные на пятнадцать минут пивные автоматы… … … Гоа. Остановка по требованию. Ку Ку. Поэтому, когда Мастер пригласил его с собой в июне в Москву, Ганди не смог ему в этом отказать. Алгоритм денег. Оказия. Средств на перелёт в Рашу у Ганди не было. А виза скоро заканчивалась.

У гоанов есть такое выражение – «отдупляться на контрастах». Выражение касается как сферы употребления наркотиков, имеется в виду чередование препаратов разнонаправленного действия, так и сферы духовной. Почитаешь, бывало, «Войну и мир», а потом сразу пособие Малахова по употреблению мочи с красивым названием «Уринотерапия». Или живёшь себе в гоанской деревне, жаришь себе ещё не остывшую от собственной Жизни курицу. Покупаешь в рыбном порту креветок со шхуны… штук девять в килограмме… торгуешься за десять рупий, ибо сезон пошёл, лох пошёл, и цены подскочили. Но ты же не лох, ты – гоан со стажем. Тебе дискаунт положен. Да и где это видано - килограмм креветок за сто пятьдесят рублей. Обнаглели. Петухи, твари Божьи, песни поют в три часа ночи. Попугаи – подонки, пальму всю ночь поделить не могут. Пьяные туристы за кокаином в Чапору едут и сигналят под окном. А ты спишь и думаешь во сне, чего людям не спится, чего их припёрло? А они едут и думают: «Вот русский придурок, живёт на курорте. Можно сказать, в Раю. И спит, балбес». Это они на курорт приехали. А гоан тут живёт не первый год. И ему абсолютно по барабану энтузиазм задолбанных цивилизацией соплеменников: «Где достать? Почём? А где можно… а где нельзя курить?». Он в море-то купался полтора месяца назад. А ведь точно, полтора месяца уже прошло. Во время летит! И когда это состояние достигает пика, начинаешь бояться большого скопления народа, очереди на регистрацию в аэропорту, восторженных глаз туристов… Нужно хотя бы немного мордой в грязь…

Первый год обходишься воспоминанием бодрой картины входящего в вестибюль станции метро народа часиков в восемь утра. Отлегло. Толерантность растёт… Потом подключишь Интернет. Мейл Ру, Рамблер. Госдума – «комеди Клаб». Стоп. Это уже слишком. Перебор. Перевпечатлило. А толерантность растёт… и, наконец, нужна инъекция помощней – прививка Москвой. Полное погружение. Наверное, Ку Ку тоже любит прививаться. Ехать из «своей Индии» в

целлофановую Европу. Из музыки «Гоатранс» - в стиль «Минимал». Из вольного ветра, закатов, простора - в музыку заводов, конвейеров, светофоров, кокаинового похмелья. Чтобы поесть безвкусных пенопластовых овощей или пельменей «Дарья». Россия - тоже часть Европы. Вернее, Москва. Другую Россию Ку Ку не видел. Но он обязательно её посмотрит. Вот, может быть, в июне. Ганди обещал в этом году свозить его в Волгоград вице-губернатора подлечить.

6

Это был последний сеанс. Мастер сказал, три раза по семь, то есть двадцать один. Может, так подгадал, ведь сегодня и последний приём. Через пару дней он улетит на север, в Гималаи. Потом в Тайвань. Потом в Россию. И дальше по Европе. Потом в Канаду. До ноября. Пока в Гоа свирепствует мансун. Ку Ку не любит мансун и бурлящее море. Мансун напоминает Ку Ку о прошлой некуковской жизни. Он усадил Ольгу в привычную позу на стул.

- Сейчас я покажу тебе фокус, красивая.

Он почти не стал издеваться над ней. Лишь только поясница и щиколотки удостоились внимания иголок. Потом он достал длинную, помеченную красным треугольником иголку пятнадцати сантиметров. Побрызгал пальцы самогоном. И аккуратно стал вводить жало в шею девушки у основания черепа. Он подпихивал иглу куда-то вверх, в саму голову. Все её пятнадцать сантиметров скрылись внутри. Китаец постоянно вглядывался в зрачки испытуемой, ища ответную его действиям реакцию. Потом он улыбнулся и сказал:

- Ну вот, попал, сейчас ещё немного. - Он покрутил иглу тремя пальцами, утопив в тело по самую рукоятку. – Сейчас начнётся.

Неприятный зуд от металла сменился странным щелчком. Как будто игла попала куда-то в слуховой аппарат. А может в среднее ухо? В мозгу загудело, заскрипело, как-будто в него началась радиотрансляция. Ольга пошевелила головой, отгоняя наваждение. И услышала возбуждённый женский голос, быстро говоривший на хинди. Другой голос, мужской, ей заунывно отвечал. Она опять шевельнулась, краем глаза увидев ехидные глаза Ку Ку, наблюдающие за ней. Видать, её эмоции в достаточной степени отражались на лице. Мастер подмигнул сверкнувшим глазом и отвернулся к другому пациенту. В мозгу запиликали звуки тонального набора. Заспанный голос сказал по-русски: «Да, мама, да…долетели нормально…я звонила…роуминг не работает… ну, тебе повезло, ты дозвонилась, а у меня роуминг не работает…». Вдруг прорвался

простуженный голос возрастной собеседницы: «… ты там с Витюшей аккуратней…грязища там несусветная, я в «Караване Истории» читала…руки мирамистином мойте… кушайте только в гостинице…фрукты кипятком обдавайте, я вам чайник электрический положила…».

«Боже, - подумала Ольга. – Это же телефонные разговоры! Куда же этот хитрый дьявол воткнул мне иглу? Боже мой, что ещё знает этот человек! А может, он и не человек вовсе? Или как раз он-то и есть ЧЕЛОВЕК. Как из него это вытащить, ведь он всегда косит под дурака, когда у него спрашиваешь серьёзные вещи. «А, - говорит, - я не знаю, я же куку». Его рассуждения вокруг этого чёртового «майнда». Как его понять? И барьер языковой. Но ведь он-то сам себя собрал из кусочков. А теперь расплачивается тем, что лечит других? Сидеть, что ли, около него всё время. В рот смотреть, ждать, что скажет? Может, сюда поближе переехать? Или пойти посуду мыть к нему в ресторан? Он же возится со мной больше, чем с другими. А это ведь чего-то значит. Может, он разглядел во мне что-то. Но хочет, чтобы я сама до всего дошла, своим умом, или чувствами, или сердцем? Как же это сделать? Ведь ему-то помогли». Мысли путались с обрывками английских фраз из телефонных разговоров, индийских напевов из УКВ диапазона, команд диспетчера из аэропорта Даболим. Полчаса пролетели незаметно. Ку Ку вынул иголку и заглянул в ошалелые глаза россиянки.

- Ну как, музыку послушала?

- Что это было? – Шёпотом спросила та.

- О…, я тебе потом расскажу. В июне в Москве. Ты говорила, у вас там квартира большая. Я у вас поживу недельку. Иголки каждый день ставить буду. Времени много будет. Я тебе много чего расскажу. Ты только напомни. Я старый, курю много. Память совсем плохая стала.

Он похлопал её по спине.

- Человек многое может. Мы многое в себе убили. Много изобрели всего, что убивает наши чувства. Человек хочет больше получать, меньше затрачивая. Лень – двигатель прогресса. Лень заставляет не вспоминать переданное нам прошлыми поколениями, а изобретать пути, как обмануть природу. Как, не напрягая себя, просто снять трубку и позвонить. Ведь раньше умели общаться без мобильных телефонов. Сила мысли. Где мысль – там энергия. Пока больше ничего не скажу, птичка. Болезни в тебе нет. Запомни это. Я наладил твоё здоровье. Дальше всё зависит от тебя. Если будут Боли, наблюдай за ними. Помни, ты здорова. Смотри, откуда пришла Боль. Пойми её первопричину. У тебя должно получиться. Пройди по Боли к её истокам. Посмотри, как она

зародилась. И полюби её в её зародыше. Потом выдохни, или она сама выйдет из тебя со спазмом. Так было и со мной… Так бывает с любой Болью… Я дам вам иглы и полынные сигары. Если будет невмоготу, точки ты знаешь. Пусть муж отрежет кусок имбиря толщиной в четверть дюйма, насадит на иголку, а сверху подожжёт сигару. И никаких таблеток, даже аспирин выкинуть из дома. Помни – но шугар, но кока кола, но макдоналдс, анд фак америка. И будете здоровы.

7

По традиции, китаец дал обед в честь закрытия сезона. Ольга с Андреем ещё пару раз приехали помочь Ку Ку упаковать вещи на мансун, пообедать у него на халяву и потрендеть за жизнь. Таких, кроме россиян, хватало. Все его завсегдатаи собирались часам к одиннадцати. Сидели, показывали друг другу упражнения, хвастались приведёнными детьми. Ку Ку что-то рисовал на листах папируса, подписывал и дарил окружающим. Потом народ выстраивался в очередь к принесённым непальцами блюдам, чинно обедал, обсуждая, из чего же приготовлены кушанья. Выискивали в тарелке стручки акации, растущей тут же в саду. Оказывается, их тоже можно есть. Пили печёночный чай из трав, собранных китайцем на холме, компот из плодов кактуса опунция, растущего в Баге возле моря, потом желали друг другу приятной сиесты и разъезжались кто куда. Кто по делам, кто, действительно, поспать, пережидая самое жаркое время дня, кто на пляж - поджариться под конец сезона.

Потом Ку Ку уехал. Ольга осталась без страховки. Когда он был в Гоа, казалось, ничто ей не угрожает. За ним она, как за каменной стеной. Теперь он оставил её наедине с её Болью. Впрочем, рядом был Андрей. Если бы не он, она вряд ли всё это вынесла. Разные мысли посещали её. Но сейчас она была абсолютно другой ЧЕЛОВЕК. От неё только имя осталось. Даже двадцатилетние девчонки из русских туристок оборачивались на её подростковую фигуру. Что уж говорить о бигмачных англичанах. И потерянных пятнадцати килограммов было совсем не жалко, такая лёгкость чувствовалась во всём теле. Но страх остаться без спасительной соломинки в виде Ку Ку даже на месяц, серым червячком заползал в мозг. Когда подступала Боль, Ольга успокаивалась, начинала дышать, как учил Мастер, ложилась на диван. И приступала к работе с ней. Через несколько минут она забывалась в странном полусознании. Оказывается, тело помнит всё: в нём начинались спазмы, которые вызывали в памяти те воспоминания, с которыми были связаны породившие их Боли. Она вспоминала картины полученных десятилетия назад травм.

Однажды в памяти ярко всплыл эпизод. Они жили в одной комнате в районе метро Автозаводская. В народе их район назывался Бухенвальд. Публика там жила соответствующая - набранные по лимиту рабочие с завода ЗИЛ. Детишки «весёлого ужина». Мужики, забивающие «козла» во дворе. Серое депрессушное детство. В комнате две кровати. На одной - они с сестрой, на другой - отец с матерью. Ночью она проснулась от стонов, доносящихся с родительской постели. Отец что-то делал с матерью, а она стонала. Сейчас-то Ольга понимает, чем они там занимались. Девчушка в слезах подбежала к кровати.

- Мама, мамочка, что случилось, что он сделал с тобой?..

Отец что-то буркнул, типа: «Ну ты, Маша, сегодня разошлась…». И отвернулся к стене.

А утром старшая сестра сказала с надменной улыбкой сведущего человека.

- Что же ты, дура предкам кайф обломала… - и рассказала, откуда берутся дети. Несложные сопоставления в детском мозгу вывели чёткое отношение у будущей женщины к сексу. Такое приятное и зачаровывающее сознание занятие, на практике отождествлялось с чем-то унизительным. Ведь она не понимала тогда, что удовольствие тоже рождает звуки, схожие со стонами страдания. Значит, к удовольствию надо идти через унижения? Через Боль. Через страдания. Но девичье эго отвергало это. И такая манящая близость противоположного пола в просыпающейся женщине смешивалась с чувством выполнения некой повинности, обязанности. А обязанность предполагает необходимость исполнения. А если голова болит? А если шеф на работе облаял? И с этим живут миллионы женщин по всему миру. Господи…

Она упорно лезла в эту запечатлённую с детства в подсознании сцену. Проживала её снова и снова. Пыталась вспомнить детали, цвет обоев в комнате. Предыдущие и последовавшие за этим эпизодом события. Где мысль, там энергия. Энергия её мысли пробегала через резервные участки мозга, зажигая и оживляя законсервированные в подсознании файлы. Вскрывая тайные ЗИП папки памяти. Как восстановленная киноплёнка из семейного архива, со скрипом, рапидами и повторами, всплыл в перегретом разуме эпизод.

Голубоглазая девочка, причём, камера показывала плёнку, снятую её глазами. Но при этом, она видела себя и со стороны, как бы с другой камеры, висящей рядом. Можайское шоссе, восемьдесят четвёртый километр, побитый камнями деревенской шпаны и непогодой дорожный указатель «… Петрищево – полтора километра…». Деревня Дорохово. Дачные участки «Динамо». Роща на краю поля, превращённая в свалку бытовых отходов. Девочка играла у края участков и

решила пойти пописать в кустики подальше от кучи песка. Скоро прибегут соседские мальчишки-близнецы. Она перепрыгивает болотистую лужу, обдав грязью белое платье. Почему белое? Странно для дачи. Здесь всегда носили то, что нельзя уже было надеть в городе. Драное, сраное. Ах, да. Сегодня девятое мая. Из приёмника на участке Пятросов, соседи за глаза зовут их Цитрусами, звучит трансляция с Красной Площади. Бравые духовые марши… «Руководители партии и правительства…». Отец надел пиджак, нацепил ордена, хлопнул рюмочку и теперь сидит возле крылечка вполне довольный: «Сегодня, Маруся, у меня праздник, пошли девчонок в сельпо… скажут, что отцу берут… праздник всё-таки, а?..за что я, Маруся, кровь под Будапештом пролил?.. э-эх…а Берлин взял?..». «Не взял, а брал, сколько раз тебе говорить. Его много кто ещё брал…заначена у меня чекушка тебе на праздник». Девочка присаживается возле лужи, пытается очистить грязь, но она только размазывается. Одновременно переполненный мочевой пузырь расслабляет мышцы, неровная струйка журчит между ног, вызывая в половых губках ощущение щекотки. Щекотка всколыхивает смутные переживания в подсознании. Почему-то всплывает в памяти материн стон, рассказ сестры об испорченной родителям ночи с описанием подробностей процесса. Тут девочка затаила дыхание. Через кусты перелез незнакомый мужик в трениках, с пузырями на коленях и по пояс голый. Наверное, из деревенских. Когда первый испуг прошёл, она хотела встать и сказать дяде, чтобы он не ходил голым в лес. Мама всегда пугала комарами. Но дядя остановился, не заметив девочку, и спустил штаны. Оттуда вывалилось что-то большое, невиданное ею раньше. И она поняла, что это – «оно». То самое, что сестра называла колючим словом, состоящим из трёх букв. Именно этим отец мучил мать. И ей предстоит то же самое. И у неё будет, как у всех. Но она не хочет этого. Она будет этому противостоять. Она уже тогда была сильной девочкой. Она сломает порочные традиции. Мужик некоторое время вертел эту штуку в руках, пыхтел, закрывал глаза. Потом он замычал, открыл их. И взгляды их встретились. Она никогда не видела у человека такого взгляда. Это были не глаза человека. Человек смотрел глазами зверя. Этот взгляд вызвал у неё озноб, спазмы сдавили горло. Внизу живота заныло. Она перестала чувствовать свои ноги. Как бывает во сне, в страшном сне. Тебе надо бежать, спасаться, но тело не слушается тебя. Оно живёт по своим законам. И ужас поглощает тебя всю. Потом подсознание включает аварийную систему. Адреналин впрыскивается в кровь. Дыхание учащается. Селезёнка выдает неприкосновенный запас крови, обогащенной кислородом, добавляя его в кровеносную систему. Бежать. Открывается «второе дыхание»… Девочка в ужасе выскочила из кустов. Едва касаясь земли, она неслась к участкам. Поближе к людям. Спазмы давили горло. Камера бокового наблюдения показывала в её глазах весь ужас, творящийся в душе. Боже мой, какое же «оно» большое и страшное…

Ох, Ку Ку. Что же ты со мной сделал? Что же ты открыл во мне, какие Энергии активировал? Или, наоборот, закрыл чего-то. Уж не знаю, благодарить тебя за это или нет. Съездили к Доктору, полечили «ноську». А он мне все мозги перевернул. Или, наоборот, на место поставил? Несколько дней по несколько раз она переживала эти эпизоды из детства. Вот откуда её отношение к оральному сексу. Конечно, атрибут любой нормальной женщины, минет, входил в репертуар её половой жизни. И партнёры даже делали ей комплименты. Но то была техника, а «души» не было. Просто исполнение обязанностей, как у всех. И чувство унижения. Подсознание включало флэшки стонов матери и страх, связанный с мужским членом, увиденным первый раз в жизни. СПАЗМЫ ДАВИЛИ ГОРЛО. Но она же любит Андрея. Любит каждый сантиметр его тела. Спускаясь по спиралям памяти к истокам, сейчас, во взрослом состоянии, с высоты своего жизненного и женского опыта она увидела изменения в своём отношении ко многим вещам. Она поняла, почему перехватывало горло, когда мужчины начинали ей грубить. Агрессия ассоциировалась с силой, мужской силой, мужской силой агрессии. Звериная сила полового инстинкта в глазах онаниста, его огромное извергающееся «достоинство»…и спазм горла, наступивший в тот момент. Это были ещё цветочки…, память повела её дальше. Вернее, ближе, если считать годы. Седьмой класс. Хромая учительница пения. Всегда в чёрных сапогах. По прозвищу «ножка от рояля». Какой идиот придумал уроки пения для семиклассников? Их всегда делали заключительными. Очень хочется есть. Голод. Иностранное слово «гастрит»…

Ольга вскочила с дивана. Желудок нестерпимо болел. С их системой питания с тех пор, как живут в Гоа, она ни разу не озадачивалась такой проблемой. Она, как в школе, распахнула окно, чтобы глотнуть холодного воздуха и выпустить скопившийся в желудке. Влажная, тропическая духота обдала её горячей струёй. Пардон, за окном была Индия. И год на дворе две тысячи…

Дверь отворилась.

- Привет.

И в дом вошёл по пояс голый, пыльный и потный Андрей. Прямо с порога он начал стаскивать с себя шорты, под которые в такую жару ничего не надевал. И бросив их посреди комнаты, побыстрее побежал в душ под тёплые струи нагретой солнцем воды. Ох, Ку Ку. Что же ты со мной сделал? Спазм сдавил горло и, спустя некоторое время, вышел через макушку. Горло расслабилось, дышать стало легко и свободно. В голове появилась небывалая уже многие годы ясность. И озорная мысль шевельнулась в ней. Ох, Ку Ку. Что же ты со мной сделал? По-моему, пора, муженёк уже помылся. И, напевая вслух «…что ты не мой лопушок, а я не твой Андрейка, что у любви у нашей…аккумулятор…

зарядился…», она пошла в ванную. Ощупывая шариком пирсинга в языке нёбо и собирая волосы в пучок.

До встречи в июне, Ку Ку.